

Первая встреча с Янь Хуасином была крайне нелепой.

Из-за потери контроля над способностями Гу Хэюэ подчинил своей воле больше десяти человек, заставив их сражаться с врагами, пришедшими по его душу. Сам же он, будучи кукловодом, пострадал не меньше: боль, которую испытывали его марионетки, передавалась ему. Тело оставалось невредимым, но ощущения были такими что ни на есть реальными.

А Гу Хэюэ до смерти боялся боли и громких звуков.

Среди противников оказался один человек, использовавший мощные звуковые волны в качестве оружия. Гу Хэюэ, не в силах унять дрожь во всем теле, прижался спиной к стене, отчаянно ища хоть какой-то защиты.

Бесполезно.

Страх лишь усиливал потерю контроля. Эмоции Гу Хэюэ передавались его подчиненным, те теряли рассудок и начинали убивать друг друга. А те, кто прежде прикрывал его, один за другим падали, сраженные хаосом его чувств.

В этой неразберихе лицо Гу Хэюэ уже было мокрым от слез. Он жаждал лишь одного — чтобы всё это исчезло. Если бы только всё это стерлось... И эта организация, и эта толпа — пусть бы они просто исчезли... А за свои ошибки он готов был расплачиваться хоть всю оставшуюся жизнь.

...

Одинокая слеза скатилась по щеке Гу Хэюэ и растворилась в ночи.

Бум.

Тихий взрыв вырвал Гу Хэюэ из оцепенения.

Кто-то еще пришел? Убить его? Или... спасти?

Среди битвы из переулка показалась фигура, то исчезая, то появляясь в игре света и тени. Стройный, но исполненный решимости.

— Столько народу, и все дерутся? — голос пришедшего был ясным, как у подростка. — Еще и все со способностями? Эх, ошибся номером, надо было в Бюро расследований звонить.

Гу Хэюэ, съежившийся в углу, чувствовал, как виски пронзает острая боль. Способность была

перенапряжена, вышла из-под контроля, и остановить ее он уже не мог.

— Уходи... — прошептал Гу Хэюэ, едва выдавив из себя это слово изо всех сил.

Не успел он закончить, как подросток, еще пытавшийся разобрать, кто это там хрипит, оказался в центре событий: все, кто еще мог сражаться, разом бросились на него.

— Ц-ц, вы первые начали, — заметил парень. — Только не спешите, дайте сначала включу запись на телефоне, чтобы потом было что предъявить.

Гу Хэюэ подумал: как много болтает, неужели справится? Лишь бы не сложил здесь голову.

Следом за этим парень перешел в наступление. Звук сминаемой жестянки, удары, глухие стоны...

У Гу Хэюэ заложило уши от боли, он зажал их руками и свернулся калачиком на земле. Черт, его способность — взрывы! Тело и уши разрывались от мук, уж лучше бы он просто потерял сознание!

Но он не потерял. В итоге Гу Хэюэ так и не отключился.

Он был в смятении: как человеческая воля может быть настолько сильной?

Покончив с неприятностями, парень выключил экран телефона, присел перед ним и ткнул его в щеку:

— Потеря контроля? А чего плачешь-то... Не плачь, такое красивое лицо, а в слезах уже не то.

Тон был такой, словно он успокаивал ребенка. Парень поднял его, прижал к себе, потрогал лоб, потом свой:

— Лихорадки пока нет, но к моменту приезда Бюро расследований она начнется. Притворишься несчастным, никто тебя не тронет.

— ...

— От боли ошалел? Прости, я только сейчас вспомнил, что при манипуляции сознанием боль переходит на того, кто управляет. Я немного переборщил, извини.

Гу Хэюэ молчал.

Ты только сейчас вспомнил?! Поздно!

— А, точно, я же купил кексики, там начинка из манго и таро, очень вкусные, дам тебе попробовать, — парень начал что-то искать. — Надеюсь, не раздавил?

Гу Хэюэ, пока тот искал, слегка приоткрыл глаза. На парне была толстовка с капюшоном, на еще не до конца сформировавшемся лице виднелись следы детской припухлости, губы средней полноты, а в уголке нижней — маленькая родинка. Длинные ресницы, большие глаза, в которых при движении отражался свет. Казалось, он в хорошем настроении — на губах играла улыбка.

Сердце Гу Хэюэ забилося чаще. В одно мгновение во всем мире для него остался лишь этот парень. Он всегда считал себя рациональным человеком, но сейчас не мог найти объяснения этому внезапному порыву.

Лунный свет упал на тонкие черты лица:

— Не раздавил!

Бум, бум, бум.

Гу Хэюэ закрыл глаза и прикусил губу. В этой суматохе всё перемешалось, мысли спутались. Стук сердца отдавался в ушах, не давая покоя.

Облака проплывали мимо, лунный свет лился, словно водопад.

—

Обычный сентябрьский зной, но в день начала занятий часто идет дождь.

В день открытия Частной высшей академии Моэнь пролился благодатный ливень. Янь Хуасин стоял у ворот под зонтом.

Общежития академии находились за пределами кампуса, заселение проходило накануне. В восемь тридцать утра начинались занятия. Янь Хуасин взглянул на часы на башне и молча наблюдал за потоком студентов.

С повязкой на рукаве он улыбался каждому, кто встречался с ним взглядом.

— Ох... — какая-то девушка перевела дыхание. — Какой красавчик.

Ее подруга, заметив это, прошептала:

— Не смотри, осторожнее, влюбишься еще. Они же инспекторы дисциплины.

Рядом с Янь Хуасином у ворот стояли еще человек пять, тоже под черными зонтами и с такими же повязками.

— Инспекторы дисциплины? Это кто? — спросила девушка. Она была первокурсницей и совсем не знала порядков академии.

— Я навела справки. Инспекторы — самые опасные люди в Моэнь, особенно тот красавчик, на которого ты только что смотрела.

— Он? — девушка снова взглянула на Янь Хуасина и усомнилась. — Он же такой мягкий, не может быть опасным.

— Это лишь видимость, сплошная видимость. Его зовут Янь Хуасин, он самый безжалостный среди всех инспекторов.

— Почему ты так говоришь?

Они отошли подальше, и девушка осмелилась говорить громче:

— Янь Хуасин лично следит за тем, чтобы студенты не заводили романы. Стоит ему заметить хоть намек на чувства, как эта парочка тут же лишается баллов.

— Баллов? Это так серьезно?

Стоит помнить, что в Частной высшей академии Моэнь текущие оценки напрямую влияют на итоговые, а те, в свою очередь, — на стипендию! А что для студента важнее успехов в учебе? В академии стипендии получают 50 процентов учащихся, но суммы разнятся, и каждый борется за высшую награду и признание.

— Вот именно. Поэтому Янь Хуасин с таким ангельским лицом занимается тем, что разбивает парочки. Его так и называют — Судья влюбленных.

— Ох, кличка немного забавная.

— Она вполне серьезная! Смотри, не потеряй голову, а то из-за любви твоя стипендия может улететь.

На некотором расстоянии от ворот парень и девушка под одним зонтом, заметив Янь Хуасина, тут же отпрянули друг от друга. Парень открыл свой зонт и отошел на десять метров. До самого входа в академию они даже не взглянули друг на друга, идя один за другим, словно чужие люди.

У ворот Чу Чишэнь, тоже с повязкой инспектора, подошел к Янь Хуасину, похлопал его по плечу и вздохнул:

— Эх, первый день учебы, а слава нашего Судьи влюбленных уже гремит на всю округу, всех нас затмил.

<http://bllate.org/book/21500/2203175>